

— Малец, какой сегодня день?

— Пятнадцатое июля. День духов.

Отец тяжело вздохнул:

— Так и есть. Ну, хоть что-то.

Глядя на него, я понял: отцу явно есть что сказать. И точно, он, заложив руки за спину, подошел ко мне и начал:

— Сынок, это последний наш разговор. Каждое слово, которое я сейчас скажу, ты должен запомнить намертво! Это не шутки, это вопрос твоей жизни и смерти! Запомни! Слышишь, запомни!

Впервые я видел на его лице такое серьезное выражение. Мать умерла рано, и я вырос без нее. Отец был мне и за папу, и за маму, но какой из мужика воспитатель? Он всегда относился ко мне с иронией, вечно хихикал, и мой характер сформировался под стать его. Но сейчас, видя его серьезность, я тоже кивнул с предельной важностью:

— Слушаю вас.

Отец впился в меня пронзительным взглядом:

— Всегда всё шло гладко, спокойно, но сегодня случилась беда, которой никто не ждал. Некоторые вещи я просто не успел тебе сказать, и теперь они рассеялись, как дым. Очень жаль. Но сейчас я обязан поведать тебе то, что касается твоей судьбы. Ты ведь наверняка мучился вопросом, кто я такой?

— Даос, — ответил я.

Отец кивнул:

— Двадцать третий Небесный Наставник Истинного Закона с горы Лунху, даосское имя — Непутевый.

Небесный Наставник. Звучит круто. Но вот даосское имя какое-то убогое.

— Ну да, — подколот я, — ты и правда какой-то непутевый. Мало того что сил нет, так еще и лезешь на рожон — вот и поплатился.

Отец взъерошился, затряс бородой и гаркнул, чтобы я проявил уважение. Мол, потом поймешь, как я о тебе заботился. Я лишь отмахнулся: ладно-ладно, продолжай.

Отец кашлянул:

— Времени у меня мало, буду краток.

— Внимаю каждому слову.

И он рассказал мне всё: о своей работе, о врагах, о том, почему погиб. Информации было столько, что я слушал, разинув рот. Закончив, он увидел, что я застыл в оцепенении, и отвесил мне щелчок по лбу.

— Слышал, что я сказал?

— Слышал, — пробормотал я, потирая лоб. Больно же, черт возьми.

После этого лицо отца смягчилось:

— Слышал я, ты, непутевый сын, натворил делов? Предки в ярости, хотели тебя с собой забрать, еле их удержал!

Я перепугался до смерти и заикаясь выпалил:

— Пап, это не моя вина! Я женился на Сяоцянь! Ты должен меня спасти!

Я думал, раз он знает Сяоцянь, то простит меня ради нее. Но отец влепил мне пощечину и заорал:

— Сяоцянь со мной больше двадцати лет, она мне как ученица! Когда она ко мне пришла, ты еще и в проекте не был! И ты посмел на ней жениться?!

Я опешил от такой оплеухи и, чуть не плача, пролепетал:

— Я не знал! Меня заставили! Ты сам велел ей присматривать за мной! Мне нужно было учиться у нее магии, стать к ней ближе — как я мог отомстить за тебя, не женившись?

Отец развел руками:

— И что, я виноват?

Я чуть сознание не потерял. Это вообще по-человечески?

Отец помрачнел:

— Союз человека и призрака — это вызов небесам, инь и ян несовместимы. Раз вы совершили призрачный брак, теперь вы связаны общей судьбой. Малейшая ошибка — и, как говорят в даосизме, случится искажение ци, вы начнете пожирать друг друга и оба погибнете на месте!

Я держался за горящую левую щеку и со слезами спросил:

— Что же делать? Я не могу ее бросить!

Отец вздохнул:

— Ладно, ладно. Ты с детства был простаком, упрямым как осел! Выбрал самый глупый путь! Хорошо хоть Сяоцяннь по натуре добрая. Будь она другим свирепым призраком, давно бы выпила твою душу, и ты бы сгинул в мгновение ока!

Он покопался в рукаве даосской мантии и протянул мне ожерелье из черного нефрита. Велел носить, чтобы временно сдерживать энергию инь и пережить Смертельный рок. У каждого человека в жизни есть свои испытания. Говорят, возраст в восемьдесят или девяносто лет — это рубеж, но для молодых критический период — тридцать пять лет. Пройдешь его — будешь жить спокойно, нет — отправишься в Преисподнюю навсегда. Энергия инь притягивает беды, и если ее не убрать, быть несчастью.

Я родился в год, месяц и час Ян! Тройной Ян! Легендарное Тело Чистого Ян. В обычное время на меня это никак не влияло, но Смертельный рок — другое дело. В тот день мое тело будет крайне ослаблено, и беды навалятся одна за другой. Без удачи я бы и часа не протянул.

Я послушно надел черный камень. Он был из обсидиана — холодный, твердый, но на шее от него исходило приятное прохладное ощущение.

— Спасибо, отец, что спас меня!

Он выпятил живот и отмахнулся:

— Не за что. Главное — не умирай.

Я усмехнулся:

— Помру — приду к тебе в гости.

Он снова щелкнул меня по лбу:

— Мерзавец, жизнь — не игрушка!

— Да я теперь совсем один, — сказал я, и голос мой дрогнул. — Жить незачем.

Я замолчал. В памяти всплыл ее взгляд, ясный, как осенняя вода. Я понял, что уже не могу ее забыть. Отец, казалось, видел меня насквозь. Он похлопал меня по плечу:

— Мужчина должен брать на себя ответственность. Теперь всё зависит от тебя.

Я кивнул, как и раньше. Но в этот раз... я не сказал, что не верю. Я знал: мое сердце приняло правду о том, что отец мертв.

Я поднял на него глаза. Он улыбнулся мне напоследок, помахал рукой, игриво подмигнул — и его фигура начала таять. Становилась прозрачной, как туман, пока совсем не исчезла.

Перед глазами все расплылось. Я не мог понять, слезы это или туман.

— Отец, заглядывай, если будет время, — прошептал я со слезами на глазах. — Я буду очень скучать.

— Не получится, — ответил он.

Я понял его. Он больше не вернется.

— Отец!

Я открыл глаза.

— Ты плакал? — Сяоцян хлопала ресницами, лежа рядом со мной.

— Да, — я вытер слезы.

— Скучаешь по Учителю? — так она называла моего отца.

— Приснился.

Она кивнула, задумалась и сказала:

— Иди поешь. Я лапшу приготовила, остынет скоро.

Я встал. Все тело ныло, будто меня избили. Особенно лоб, там, где отец стукнул, — саднило нещадно. Я горько усмехнулся: старик, я просил тебя вернуться, чтобы ты меня поколотил, но не думал, что ты сделаешь это во сне! Никакого уважения к правилам, как всегда.

Я, потирая голову, поплелся к столу. Там стояла миска дымящейся лапши. Простой бульон, разваренная лапша, зелень, жареное яйцо. Я сглотнул слюну, взял палочки и принялся есть. Видимо, лапша была слишком горячей или я слишком торопился, но я поперхнулся, закашлялся и затрясся. Сяоцянь тут же начала гладить меня по спине:

— Ешь медленнее.

Я кивнул и отпил бульона. Никаких лишних специй, только соль. Но вкус был необыкновенный. Наверное, от голода. Сяоцянь готовила куда лучше меня.

Я ел медленно, а Сяоцянь скучала рядом, зевая. Я тайком поглядывал на нее, и когда наши взгляды встретились, она небрежно отвела глаза. Я не заметил, как кончики ее маленьких ушек покраснели.

Мы сидели в тишине, и в нашей крошечной квартирке было так по-особенному уютно. В зеркальной глади бульона отражалось мое лицо, и я вдруг вспомнил лапшу, которую варила мне мать до того, как мне исполнилось шесть. Далекое воспоминание. Вкус был точно такой же. После ее смерти я больше не ел ничего подобного.

— Ешь, чего застыл? — спросила она.

— Ничего, просто вспомнил кое-что из прошлого, — улыбнулся я и поднял большой палец вверх. — Отличная лапша! Очень вкусно!

Она гордо вскинула подбородок:

— Еще бы!

— Раз вкусно, ешь больше, — мягко сказала она.

Я рассмеялся, на душе стало тепло. С тех пор я больше не одинок! Вдруг подумалось, что жениться на призраке — не такая уж плохая идея. Она заботливая. Ощущение, что о тебе кто-то печется... это довольно приятно.

— А ты почему не ешь? — спросил я, заметив, что перед ней пусто.

Она довольно улыбнулась и похлопала себя по животику:

— Духи не чувствуют голода. Мне не нужно есть.

Я отложил палочки и пододвинул ей свою миску:

— Попробуй хоть немного. Оцени свое мастерство.

Она, кажется, не ожидала такого, замешкалась:

— А?

Я был сущим мужланом. Восемнадцать лет жил замкнуто, стеснялся, никогда не общался с девушками и не умел их ублажать. Все, что я мог предложить — это искренность.

— Поешь, — повторил я. — Здесь слишком много, я не осилю.

Она неуверенно взяла мои палочки. После нашего призрачного брака она могла касаться вещей, но из-за того, что она еще не привыкла к моей янской энергии, пальцы ее казались слегка призрачными и слабыми. Но палочки она удержала.

Она осторожно подцепила лапшинку и отправила в рот. Ее крошечный язычок был розоватым и нежным. Она ела маленькими порциями.

Пока она была занята едой, я принялся ее разглядывать. Длинные волосы, гладкие и чистые, ниспадали на классическое ципао. По сравнению со мной, грубым мужланом, она ела с такой грацией... словно благородная девица, знающая толк в этикете.

<http://bllate.org/book/20634/2063869>